

Вера или жизнь?

Мы предлагаем вашему вниманию заметки нашего обозревателя Владимира Снегирева, прошедшего Афганскую войну, не понаслышке знающего о многих военных конфликтах последнего времени. Тема, которую он поднимает, - новая для нас, точнее, нов ее поворот: попавший в плен к врагу может выбрать жизнь, покоровшись пленившему его, и при этом не потерять надежды на возвращение к своим с воинскими почестями, а не с позором.

В сущности, то, о чем пишет Снегирев, - это отношение Родины к своему Солдату, попавшему в беду, и трудный выбор Солдата, понявшего однажды, что Родина, за которую он обязан был воевать, не считает себя обязанной выручать его из беды. Мы - люди с советским прошлым - твердо знали, что любая военная тайна дороже собственной жизни. А настоящая тайна состояла в том, что наша жизнь не подлежит обмену ни на какие военные секреты, идеи и вероисповедания.

Не один раз - из газет, радиопередач, программ телевидения - слышал я историю про русского солдата, захваченного в плен чеченцами на последней войне. Будто бы парень этот отказался отречься от православной веры, за что и принял мученическую смерть. Недавно в очередной радиодискуссии кто-то из слушателей назвал его поступок духовным подвигом.

А я в очередной раз впал в глубокую задумчивость. Вот ведь трудный вопрос: что дороже - жизнь или вера? И надо ли всходить на эшафот ради идеи?

Раньше этот вопрос для нас не стоял. За идеалы социализма, за большевистскую веру легко готовы были сложить свои головы миллионы людей. Это казалось само собой разумеющимся, таким же очевидным, как и то, что общество наше самое передовое и свободное.

Теперь все изменилось. Другие идеалы, иные представления о ценностях... И есть ли теперь нечто такое, что было бы дороже человеческой жизни?

Вот уже почти 13 лет я занимаюсь судьбами наших солдат, попавших в плен или пропавших без вести в Афганистане. Что касается пленных, то в прямом смысле этого слова их уже давно нет. Кто-то после долгих мытарств вернулся на родину, кто-то - освобожденный при помощи Красного Креста или других иноземных благодетелей - остался жить на Западе. А человек десять или двенадцать избрали для ПМЖ страну, где когда-то томились в ямах, - Афганистан. Причины, по которым они стали "невозвращенцами", разные. Женились, обзавелись хозяйством, приняли ислам. Один мне прямо сказал: возвращаться боюсь, потому что воевал на стороне моджахедов, стрелял в своих, руки у меня в крови. И такое тоже было, чего уж там...

Что касается пропавших без вести, то и здесь существует вполне очевидная определенность: скорее всего из списка в 273 человека никого в живых нет. Погибли в ходе тяжелых горных боев, нашли смерть в неволе, стали жертвами того беспорядка, который, увы, почти неизбежен в ходе любых масштабных сражений. Теперь задача состоит в том, чтобы найти и доставить домой их останки. Этим и занят Комитет по делам воинов-интернационалистов, возглавляемый Русланом Аушевым.

Когда я возвращаюсь из Афганистана, обязательно кто-то из матерей позвонит: не привез ли какие новости о пропавшем сыночке? Уже 15 лет как войска ушли. А они все ждут, надеются. Самое тяжелое в этих поездках - такие вот звонки. Что отвечать? Какие слова могут стать для них утешением?

За многие годы общения с бывшими пленными и их мучителями, исследования архивов, чтения документов, еще недавно носивших гриф "Секретно", нам открылись разные человеческие драмы, совершенно невероятные сюжеты.

Подумать только, ведь еще каких-то 20 лет назад само это слово "плен" было у нас почти под запретом. Оказаться в плену считалось чуть ли не изменой. Этот неписанный закон сталинских времен действовал, увы,

на протяжении почти всей афганской кампании. Только на ее завершающем этапе особые отделы 40-й армии стали предпринимать усилия по обмену наших попавших в беду военнослужащих, их выкупу.

Если же иметь в виду тех, кто был захвачен в первые годы войны, то следует прямо сказать: тогда мы их бросили.

И еще одно горькое признание в этой связи. Не знаю, как сейчас в Чечне, а там, в Афганистане, немало число солдат, оказавшихся у моджахедов, покинули свои части добровольно. То есть никто не захватывал их. Они уходили сами, спасаясь от чудовищной дедовщины, царившей в "ограниченном контингенте". От побоев, унижений, сексуальных домогательств, поборов, от всего того, что делало два года службы мучительной каторгой. Они уходили куда глаза глядят, считая, что хуже, чем в казарме, уже быть не может - нигде. И неминуемо попадали к "духам".

Это я говорю не к тому, чтобы лишний раз попенять нашим Вооруженным Силам и не для того, чтобы нанести тень на плетень. Знаю, было на той войне и немало настоящих героев, прекрасных ребят. Просто пора бы генералам, да и Верховному Главнокомандующему, уяснить, что нет у них сегодня врага страшнее, чем уголовные порядки, царящие в родной армии. Десятилетиями об этом твердим - ничего не меняется. Не может быть боеспособной армия, в которой одни солдаты ("салаги") готовы перестрелять в первом же бою других своих солдат ("дедов"). В спину. Беспощадно. За все обиды и унижения.

* * *

В плену у всех складывалось по-разному. Почти сразу погибал тот, кто сохранял верность идеалам. Кстати, душманы не требовали от солдат и офицеров выдавать какие-то военные тайны, называть имена командиров, позывные радиостанций, раскрывать оперативные планы. Более того, они не спрашивали даже имен - им на это было глубоко наплевать. Имена пленным присваивались свои, исламские. Мохаммад, Ахмет, Абдулла, Исламуддин... Не будешь отзываться - посадят на цепь. Посмотришь недобро - побьют. Проявишь неуважение к религии - порежут на куски.

Выжил тот, кто сразу или постепенно принимал правила этой новой жизни, пытался раствориться в ней, стать частью потока. Все выжившие смогли очень быстро овладеть языком, научились не только говорить, но и читать на персидском. Почти все приняли ислам. Это не означало, что человека после этого сразу определяли на вольный режим, - кто-то оставался на положении пленного, кому-то позволяли заняться доступным ремеслом (водить машину, ремонтировать технику), а кто-то сам изъявлял желание стать моджахедом, то есть сражаться теперь против своих.

Представляю, каким трудным был этот выбор для тех пацанов призыва начала и середины 80-х, ведь их с детства учили на примере Зои Космодемьянской.

Отречься и жить? Или плюнуть в лицо врагу и умереть?

Страшная штука - плен, афганский исключением не был.

У тех, кто сделал выбор в пользу жизни, тоже все складывалось непросто. Отношения в самой среде пленных чаще всего строились так, что никто друг другу не доверял. В стремлении уцелеть, случалось, закладывали товарищей, выслуживались перед полевыми командирами. В той же истории с восстанием наших пленных в лагере Бадабера под Пешаваром (я рассказывал о ней в "РГ" 3 июля с.г.) нашлись такие, кто перед боем перешел к моджахедам и поведал им о планах бунтовщиков.

- Правильно ли я понял, что человек в плену либо сразу погибал, либо если выживал, то почти неизбежно был обречен на большие и малые измены, становился рабом и обратного хода ему уже не было? - спросил я однажды одного парня, который провел у "духов" несколько лет.

- Правильно, - после некоторой паузы неохотно согласился со мной бывший рядовой 40-й армии.

Но повернется ли у кого язык их осуждать? Ведь это вначале мы их сами предали, бросив неподготовленными, плохо обученными, совсем зелеными против профессиональных вояк. А потом снова предали, не сумев или не захотев вытащить бедолаг из неволи. Повторюсь: я не знаю, как сейчас с этим в Чечне, но подозреваю, что с тех пор мало что изменилось. Иначе откуда опять так много пропавших без вести?

В вооруженных силах западных стран отношение к этому прямо противоположное. Мало того, что там

мощные госресурсы бывают брошены на то, чтобы выволить из беды своих людей, - бюджетные деньги, возможности спецслужб, дипломатические усилия, военные акции... Там вчерашних узников встречают как героев, оказывая им почести, по нашим понятиям просто неадекватные проявленному героизму. А ведь это не что иное, как прагматичная государственная политика, призванная продемонстрировать реальную заботу о человеке, выполняющем свой воинский долг. Тебя никогда не оставят в беде, обязательно вытащат из любой ситуации, спасут, да еще и осыпят наградами - надо ли после этого удивляться тому, что там так высок престиж ратной службы?

Планируя любую крупную операцию, те же американцы в числе прочего обязательно учитывают фактор возможного пленения своих военнослужащих и в этой связи разрабатывают подробные инструкции насчет того, как себя вести, попав в лапы к врагу. Авторы этих инструкций рекомендуют ни в коем случае не раздражать противника, вплоть до того, что сообщать ему даже те сведения, которые составляют военную тайну. В основе всего лежит опять-таки стремление любой ценой спасти человека, вернуть его на родину не в цинковом гробу.

* * *

Да, жизнь выше идеологии, выше веры (здесь я рискую навлечь на себя гнев священнослужителей), выше долга. Она бесценна. Только осознав эту, в сущности, простую истину, мы сможем считать себя цивилизованными людьми.

И все-таки я не имею права поставить здесь точку. Вот ведь еще вопрос: а можно ли, спасая себя, собственную бесценную жизнь, отправить на тот свет своего товарища? Или просто другого человека - не врага. Вправе ли ты выжить за счет других?

В Афганистане, в далеком горном ущелье, довелось мне услышать такую историю. Наш парень, пленный, мальчишка совсем, вчерашний солдат-первогодок, решил бежать к своим. Однако "духи" его изловили, стали допрашивать с пристрастием. Он объясняет: "Меня на побег подбил другой пленный". Устроили им нечто вроде очной ставки. И этот второй солдат, который якобы подговорил к побегу, спасая себя от наказания, казнил товарища. Просто ногами его забил. Сами моджахеды, рассказавшие мне об этом, явно не одобряли его поступок. У афганцев неписаный кодекс чести соблюдается очень строго. "А как сложилась судьба того уцелевшего пленника?" - "Он тоже после этого долго не прожил", - ответили глаза вчерашние партизаны.

Эти заметки - всего лишь попытка ответить на вопросы, которые вечно стоят перед нами. И я вовсе не претендую на истину. В конце концов, каждый совершает свой выбор и не мне быть судьей. Это касается и той истории с российским солдатом в Чечне, который погиб, но от веры своей не отрекся.

Владимир Снегирев

Автор: Артур Скальский © Российская газета IT'S MY LIFE..., МИР 👁 2578 26.09.2003, 15:40 📌 161
URL: <https://babr24.com/?ADE=9256> Bytes: 10395 / 10342 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)